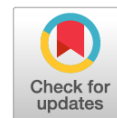

Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России

Ковтун Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России
E-mail: kovtunnov@mail.ru

Аннотация. Критически оценивая правовую природу и практику института привлечения в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России, в его соотношении с материально-правовым актом привлечения к уголовной ответственности, автор делает вывод, что в силу общей бюрократизации процесса как первый, так и второй акт фактически утратили свое исходное назначение быть определяющей материальной и процессуальной гарантией личности и правосудия в уголовном процессе. Объективируясь в качестве легальной фикции, акт привлечения в качестве обвиняемого и в доктрине российского уголовно-процессуального права, и непосредственно в практической плоскости все более характеризуется в качестве обвинения «дежурного», «первоначального», «промежуточного», «окончательного», что соответственно формирует представление о «дежурном», «промежуточном», «первоначальном» и «следственно-окончательном» привлечении к уголовной ответственности. Указанное нивелирует роль названных определяющих актов; как следствие, в работе предлагается оптимальный механизм их реализации для целей и задач материального и процессуального права.

Ключевые слова: привлечение в качестве обвиняемого, привлечение к уголовной ответственности; обвинение «первоначальное», «промежуточное», «окончательное», обвинительное заключение (обвинительный акт), уголовный иск, правосудие.

Мантры о центральной роли и фундаментальном значении института привлечения в качестве обвиняемого достаточно известны доктрине российского уголовно-процессуального права и национальной судебно-следственной практике. И если деятели Великой Судебной реформы 1860–1864 гг. как-то «не усмотрели» а priori определяющей роли этого акта и института для хода и результатов предварительного производства по делу, а равно присутствия в нем весомой процессуальной гарантии интересов и прав уголовно-преследуемых лиц¹ [1, с. 386; 2, с. 62], то «советская» правовая наука, напротив, исчерпывающе обосновала как системообразующее значение данного акта для уголовного судопроизводства в целом, так

и его материально-правовую основу для целей и задач правосудия.

Процессуальная ценность последнего при этом традиционно виделась в том, что законное, обоснованное и своевременное вынесение акта (постановления) о привлечении в качестве обвиняемого наиболее полно и веско гарантировало реализацию прав указанного субъекта:

- на получение квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката, так как именно с этого момента представители адвокатского сообщества могли быть «допущены» в уголовное судопроизводство и полноценно представлять интересы и права своего доверителя;
- на своевременное и полное ознакомление стороны защиты с юридической и фактической сутью инкриминируемого следствием обвинения (утверждения о виновности), защиту от этого обвинения посредством приведения доводов и доказательств относительно его сути и содержания, на полную и всестороннюю проверку и учет этих

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не содержал даже минимума норм, дающих представление о сути и содержании данного института. Как следствие, содержательные его элементы были «нормативно» оформлены лишь особым наказом Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г. и определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23.03.1898.

- доводов защиты следственными органами;
- на законное и обоснованное применение наиболее существенных мер процессуального принуждения, ибо отдельные из них могли применяться лишь в отношении лица, официально привлеченного в качестве обвиняемого; временные рамки применения других носили пресекательный характер и были поставлены в прямую зависимость от наличия акта о привлечении в качестве обвиняемого;
- на надлежащую форму реализации предварительного расследования и собственно подследственность (в дальнейшем — подсудность) уголовного дела, так как именно юридическая квалификация деяния, приведенная в акте о привлечении в качестве обвиняемого, являлась определяющей в этих процессуальных моментах. Она же определяла суть и содержание обвинительного заключения по делу, предмет и пределы рассмотрения и разрешения дела в суде первой инстанции.

Материальное (уголовно-правовое) значение акта «привлечение в качестве обвиняемого», соответственно, акцентировали тем обстоятельством, что именно посредством данного процессуального решения уголовно-преследуемое лицо привлекалось к уголовной ответственности — как обязанности дать ответ за совершенное (инкриминируемое) деяние, подвергнуться за него (в дальнейшем) осуждению, наказанию и судимости. Именно в этом контексте еще в 1973 г. Верховный суд РСФСР по делу гражданина Устинова указал, что «датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а не время вынесения приговора»².

Как следствие, в диалектике указанных составляющих институт привлечения в качестве обвиняемого постепенно выкристаллизовался как центральный, определяющий акт всего досудебного производства по делу не только в умах большинства представителей национальной уголовно-процессуальной доктрины, но и как императивная установка для практикующих в сфере уголовного судопроизводства субъектов.

Со временем, правда, благоговейный трепет перед ценностью этого акта несколько «потерял» в своей исходной сакральности. И, прежде всего, в силу актуализации нормативных новаций, согласно которым обеспечение права уголовно-преследуемого лица на оказание квалифицированной юридической помощи адвоката уже оказалось практически не связанным

с актом привлечения в качестве обвиняемого, будучи поставленным в зависимость от иных юридических фактов (ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Кроме того, государственные органы и должностные лица, ведущие уголовный процесс, исходя из (субъективно окрашенной) «потребности», все более модифицировали легальную процессуальную форму реализации этого акта в соответствии со своим «интересом». К примеру, субъективно придавая ему смысл решающей императивной гарантии для реализации отдельных процессуальных решений и действий либо реализуя указанный акт настолько формально, что из фундаментальной нормы-гарантии он явно преобразовался в необременительную процессуальную фикцию.

Первое, к примеру, объективировалось в не основанном на законе, но императивном по факту требовании прокуратуры о вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого в отношении лиц, задержанных в порядке ст. 91–92 УПК РФ (ст. 122 УПК РСФСР 1960 г.). Причем в требовании с явной акцентуацией «угрозы» о признании данного задержания незаконным и безоговорочным отказом в дальнейшем в санкционировании постановления следственных органов о применении к задержанному меры пресечения — заключение под стражу³. По сути, аналогично обеспечивалась публичная «законность» различного рода следственных ходатайств к суду (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), а равно бесконфликтное «взаимодействие» следователя с надзирающим прокурором.

Второе предстало (и предстает) в виде нарабатанной и одобряемой ведомствами обширной следственной практики, по сути которой:

- реализация акта о привлечении в качестве обвиняемого субъективно «откладывается» следственными органами на максимально возможный срок и в итоге осуществляется, по сути, одномоментно с уведомлением обвиняемого об окончании предварительного следствия и предоставлением всех материалов дела для ознакомления участникам процесса (ст. 215–219 УПК РФ). Как следствие указанной практики — массово объективируются жалобы заинтересованных лиц с констатациями о нарушении права обвиняемого на защиту от подобного обвинения, необоснованном отказе следственных органов в изменении его (сформулированной) юридической или

² Уголовный процесс России. Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Тomin. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 431.

³ По нормам УПК РФ (2001 г.), лишившись права на санкционирование указанной меры, прокуроры аналогично и из тех же «благих» побуждений категорически отказываются, при отсутствии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, поддержать в суде (как законное) ходатайство следственных органов о применении к задержанному меры пресечения, избираемой решением суда (ст. 108 УПК РФ).

фактической сути, о полном игнорировании доводов защиты, связанных с формулой и формулировкой данного обвинения (etc);

- утверждение следственных органов о фактической и юридической стороне содеянного, изложенное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, по факту не дает цельного представления ни о фактической основе итоговых выводов следствия, ни о мотивировке принятых решений [3, с. 15–18]. В качестве причины последнего, как правило, указывается на то, что следователи в принципе не считают для себя обязательным приводить в постановлении систему доказательств, послуживших основанием (основой) для итоговых утверждений. Следователи, напротив, парируют, что действующий закон не содержит этой императивной обязанности и, исходя из тактической ситуации, следователь вправе самостоятельно определять время и объемы их представления стороне защиты. Настойчивые апелляции адвокатов к нормам ч. 4 ст. 7 УПК РФ, к нарушению права обвиняемого на защиту от подобного (формального) обвинения, ни следствием, ни судом к сведению, как правило, не принимаются. В итоге если эти моменты и объективируются в юридической плоскости, то лишь как предмет для «научных» дискуссий, ничего не меняя ни в наработанной следственной практике, ни в итоговых позициях суда по этим моментам.

Не нашли должного «понимания» у судей и настойчивые попытки адвокатов поставить под судебный контроль (ст. 125 УПК РФ) само постановление следственных органов о привлечении в качестве обвиняемого — на предмет его соответствия свойствам законности, обоснованности и мотивированности. Вывод о том, что предмет подобной проверки неразрывно связан с (а priori недопустимой) оценкой обвинительных доказательств и, как следствие, с предрешающими выводами суда по вопросам о доказанной виновности обвиняемого, нашел свое однозначное закрепление как в позициях судей высшего органа конституционного правосудия⁴, так и в разъяснениях Пленума Верховного

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»; Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 452-О по жалобе гражданки Л.А. Шевелевой на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2020).

Суда РФ и актах-прецедентах высших судебных инстанций⁵. Указанное окончательно нивелировало допустимость подобной проверки.

Известны, правда, попытки российской доктрины обосновать тезис о том, что действующее нормативное регулирование как бы не запрещает проверки судом фактической обоснованности обвинения, изложенного в указанном постановлении. Однако по факту последние более напоминают упражнения в изящной словесности, чем, действительно, вариант разрешения спора. Нам, к примеру, предлагают признать, что в позициях судебных инстанций налицо явное смешение логических понятий: «предрешение вопроса о виновности» и «вывод суда о виновности». Как следствие, в рамках оперативной судебной проверки (ст. 125 УПК РФ) вполне можно «рассматривать» фактическую сторону обвинения, не предрешая и не делая выводов о сути последней [4]. Конструкция, признаем, весьма любопытна, но только не для стороны-заявителя, обратившейся за судебной защитой. Для последней принципиален как раз вывод суда о законности и обоснованности следственного утверждения о виновности (обвинения), а не ментальный процесс судебного «созерцания» данного документа, практическая ценность которого как-то не ощутима.

Окончательно нивелировала (декларируемую) процессуальную и материальную ценность акта привлечения в качестве обвиняемого в целом повсеместная практика предъявления «дежурного» обвинения — нередко неоднократного (...если не многократного), как следствие, выполняющего сугубо формальную процессуальную роль, никак не объективированного в качестве важнейшего материального акта законного и обоснованного привлечения лица к уголовной ответственности. Причем привлечения, по букве закона, именно к конкретному преступлению (в его юридически значимых признаках) и на основе верифицируемых доказательств.

Преломляясь через сугубо ведомственное понимание законности, формально составленный и формально предъявленный, акт привлечения в качестве обвиняемого в итоге создает лишь видимость должной правовой процедуры, должных правовых оснований, служит процессуальной фикцией (ширмой) для реализации как широко апробированных мер процессуального принуждения, так и достаточно наработанных следственных практик, вне эффективной

⁵ См., напр.: Кассационное определение Краснодарского краевого суда от 13 апреля 2011 г. по делу № 22-2070/11. URL: <http://old.судебныерешения.рф/bsr/case/126102>; Апелляционное постановление Брянского областного суда от 30 мая 2014 г. по делу № 22К-759/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eE45DRA8a2br/> (дата обращения: 17.04.2020).

системы контроля за реальной законностью и обоснованностью их реализации. Чтобы быть правильно понятыми (не голословными), поясним на конкретных примерах:

Фикция «обвинения» при задержании. Следственным отделом ОМВД России по Академическому району г. Москвы гражданин Б. задержан в качестве подозреваемого (ст. 91–92 УПК РФ). После составления протокола о задержании с 16 ч 15 мин. до 17 ч 30 мин. гр. Б. допрошен в качестве подозреваемого. В 17 ч 45 мин. Б. предъявлено обвинение, по сути которого он с 18 ч до 19 ч 15 мин. допрошен [5, с. 20–21].

Как видим, для всесторонней и объективной оценки системы собранных доказательств по делу и принятия законного и обоснованного решения о привлечении Б. к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, а равно и для составления законного и обоснованного постановления об этом, следователю понадобилось 15 минут. Еще 15 минут — для реализации должной правовой процедуры предъявления данного утверждения о виновности. При этом сам допрос по сути «доказанного» обвинения занял 1 ч 15 мин. (аналогично: допрос в качестве подозреваемого). Для специалистов комментарию, полагаем, излишни, ибо говорить как о фактической доказанности этого обвинения, так и об объективации этого постановления в качестве реального акта привлечения к уголовной ответственности или весомой процессуальной гарантии (личности и правосудия) можно разве что в состоянии невменяемости.

Фикция «обвинение» — акт привлечения к уголовной ответственности. Постановлением Уст-го районного суда Удмуртской Республики уголовное дело в отношении О. и В., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 195, ч. 4 ст. 159 УК РФ, возвращено прокурору в связи с нарушением требований УПК РФ, допущенных при составлении обвинительного заключения (ст. 237 УПК РФ).

Согласно обвинению О. и В. инкриминируется хищение в составе группы лиц по предварительному сговору. Между тем соучастники преступной деятельности в хищении не указаны, их роль в хищении в содержании обвинения не отражена, условия предварительного сговора не приведены, общая сумма совместно похищенного имущества в результате единого преступного умысла не указана. В итоге данное обвинение противоречит установленным ст. 252 УПК РФ пределам проведения судебного разбирательства, ухудшает положение обвиняемых, затрудняет реализацию их права на защиту в связи с невозможностью проверить доводы обвинения, возражать против него и отстаивать свою позицию.

Однако подчеркнем, обвинение О. и В. на протяжении 2-х лет предварительного

расследования предъявлялось более 6 раз, формула и формулировка последнего при этом фактически не изменялись, общий срок следствия составил более 29 месяцев⁶.

Как видим, и в первом и во втором случае акт привлечения в качестве обвиняемого несет чисто служебную, «процессуальную» роль, обеспечивая сиюминутные «интересы» либо следственных органов, либо прокуратуры, либо суда, реализующего функцию оперативного судебного контроля по нормам ст. 108, 165 УПК РФ. Говорить об определяющей роли этого акта для хода и результатов производства по делу либо об его объективации в качестве фундаментальной гарантии законного и обоснованного привлечения к уголовной ответственности, на наш взгляд, не приходится. Важна лишь видимость должной правовой процедуры. При этом приведенные факты не являются чем-то из ряда вон выходящим — подобная практика давно наработана, давно одобрена конвенциональным согласием всех властных участников правовых отношений. Роли, репризы и акты изначально расписаны; как следствие, ни для кого не секрет, что для целей отправления правосудия, для «сверки» предмета и пределов обвинения, внесенного в суд, во внимание будет принята исключительно последняя «редакция» постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Именно по юридической и фактической сути последнего прокурор (ст. 221 УПК РФ) и суд (гл. 33–34 УПК РФ) будут проверять обвинительное заключение — как публичный уголовный иск-притязание, поставленный на разрешение суда обвинительной властью. Остальные акты перманентного «привлечения к уголовной ответственности» свою дежурную роль уже «отыграли».

В итоге в целом симптоматично, что как в научном, так и в правовом обороте все более объективируются характеристики акта привлечения в качестве обвиняемого как обвинения «первоначального», которое нельзя сравнивать с обвинением «окончательным», формируемым в обвинительном заключении⁷; обвинения «промежуточного»⁸; обвинения «окончательно

⁶ Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики № 22-1032/2016 от 19 мая 2016 г. по делу № 22-1032/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 № 857-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухарева А.А. на нарушение его конституционных прав статьями 171, 172 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См., напр.: Правовед.ru. URL: <https://pravoved.ru/question/1560529-postanovlenie-o-privlechenii-v-kachestve-obvinyaemogo/> (дата обращения: 20.04.2020).

следственного» и обвинения «окончательно судебное» [4].

Указанные «новации» широко восприняты и судебной системой России, не усматривающей ничего предосудительного в том, что в рамках производства по делу не только утверждение о виновности, но и важнейший материально-правовой акт привлечения лица к уголовной ответственности может быть перманентно: «промежуточным», «первоначальным», «окончательно следственным», «окончательно судебным»⁹. Если буквально, то, по сложившейся практике, «промежуточное» и «первоначальное» привлечение к «дежурной» уголовной ответственности — это такая правовая «безделица», что даже не стоит останавливаться на этих моментах, тем более серьезно реагировать на жалобы стороны защиты на «вольности» следствия в реализации надлежащей процессуальной формы этого важнейшего материального акта.

Подобная «депроцессуализация» и «дематериализация» акта привлечения в качестве обвиняемого, естественно, не осталась незамеченной в доктрине российского уголовно-процессуального права. В юридической плоскости все более объективируются суждения о том, что как для целей процесса, так и для формирования официального процессуального статуса уголовно-преследуемого лица оптимальным и достаточным является акт уведомления о подозрении, особенно с учетом того, что по нормам УПК РФ процессуальные статусы подозреваемого и обвиняемого фактически идентичны. Соответственно, акт вынесения и предъявления «дежурного» обвинения, в его действующей нормативной редакции (ст. 171–175 УПК РФ), становится явно излишним, и для оптимизации следственной деятельности его следует «упразднить» [2, с. 63; 6, с. 38–40; 7, с. 51–54].

Но поскольку судебное рассмотрение/разрешение дела осуществляется исключительно в отношении обвиняемого (подсудимого) и в пределах предъявленного ему обвинения (утверждения о виновности), как акт привлечения в качестве обвиняемого, так и соответствующий ему материальный акт привлечения к уголовной ответственности (...к обязанности отвечать [8, с. 123–137]) должен быть трансформирован кардинально, в том числе обеспечивая конституционное право:

- на своевременное ознакомление обвиняемых с сутью и содержанием инкриминируемого

им обвинения, с исчерпывающим приведением и анализом в предъявляемом акте как фактической стороны инкриминируемых утверждений, так и их итоговой юридической оценки — в форме окончательной следственно-обвинительной квалификации содеянного по конкретным статьям, части, квалифицирующим признакам действующего материального закона;

- на полное и всесторонне ознакомление стороны защиты со всей системой сформированных обвинительных доказательств по делу, причем в единстве их фактических данных (сведений о деянии) и непосредственно законного источника «происхождения» этих релевантно значимых сведений;
- на обеспечение хотя бы минимальной возможности реализации дальнейшего производства по делу, а равно центрального его элемента — доказывания, по правилам состязательной модели «двух папок»; где одну из них составляют систематизированные материалы собственно уголовного дела, а другую — «папка» стороны защиты, в том числе с копиями наиболее значимых следственных документов (представленных для ознакомления). «Значимых», естественно, в интерпретациях стороны защиты;
- на формирование такого порядка привлечения лица к уголовной ответственности, при котором утверждения о виновности, фактической стороне инкриминируемых деяний, их юридической квалификации по нормам УК РФ должны отражать окончательную и согласованную позицию в целом стороны обвинения относительно сути и содержания уголовного иска, подлежащего внесению в суд. Как следствие, любая «конкуренция» следственных и прокурорских утверждений о виновности к моменту реализации этого акта должна быть а priori исчерпана (п. 2 ч. 1 ст. 221, ч. 4 ст. 221 УПК РФ), а предмет и векторы возможного «спора» между следствием и прокурором остаться за рамками «интереса» защиты.

Действующая конструкция института привлечения в качестве обвиняемого (привлечения к уголовной ответственности; ст. 171–175 УПК РФ) практически не в состоянии обеспечить реализацию этих гарантий, следствием чего и является его фактически полная дискредитация. Надо, наконец, понять и признать, что реальным актом привлечения уголовно-преследуемого лица к уголовной ответственности (к обязанности дать ответ за совершенное деяние: в форме осуждения, наказания и судимости) является акт утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта/обвинительного

⁹ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 881-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крушинского В.А. на нарушение его конституционных прав статьями 164, 172, 195 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.12.2018 № 58-АПУ18-14 // СПС «КонсультантПлюс».

постановления). Доводы в пользу рациональности указанного в том, что:

- в действующем уголовном судопроизводстве акт привлечения в качестве обвиняемого по факту выполняет служебные процессуальные роли. Отсюда эти акты, как правило, не обоснованы, содержат лишь прогностическую квалификацию содеянного, в итоге не воспринимаются в качестве властного акта привлечения к уголовной ответственности ни собственно следствием, ни сторонами. Свидетельством тому, как ранее отмечалось, служат неоднократные («дежурные») изменения/дополнения этого обвинения, исключение значимых следственных утверждений в части и полностью, перманентное перепредъявление обвинения («перепривлечение» к уголовной ответственности?!);
- реальное, законное и обоснованное обвинение по факту объективируется лишь в форме обвинительного заключения (обвинительного акта). Именно этот итоговый властно-распорядительный акт (в целом) досудебного производства по делу максимально системно и полно включает в себя скрупулезное изложение фактической стороны обвинения с приведением и анализом сформированных доказательств по каждому эпизоду преступных деяний, каждому обстоятельству, входящему в предмет доказывания. Здесь же указываются доводы стороны защиты, приведенные в опровержение утверждений следственных органов, результаты их проверки следствием (в дальнейшем и прокурором). Только на этой реально объективной основе осуществляется юридическая квалификация содеянного, формируются итоговые утверждения обвинения-иска, адресуемого обвинительной властью на рассмотрение и разрешение суда¹⁰;
- рационально и то, что в этой ситуации законность и обоснованность итоговых обвинительных утверждений легко верифицируется стороной защиты посредством обращения к первоисточникам тех доказательств, которые закреплены в материалах (изученного) уголовного дела; отсюда, в операциональном контексте защита вполне может апеллировать к копиям следственных материалов,

¹⁰ «Одно из главных требований, предъявляемых к акту о привлечении в качестве обвиняемого, — его конкретность. В постановлении в максимально сжатой форме должны быть описаны каждый из инкриминируемых эпизодов преступной деятельности. Несоблюдение этого требования относится к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона, нарушающих право обвиняемого на защиту» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 10. С. 9.

хранящихся в адвокатском «досье». Как следствие, обеспечение конституционного права на защиту от (максимально конкретного) обвинения становится не иллюзорным, а реальной гарантией;

- известно и то, что именно обвинительное заключение (обвинительный акт) служит непосредственным предметом проверки и оценки суда как в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и при рассмотрении дела по существу. Этот акт объективируется в качестве итогового утверждения о виновности, которое, определяя предмет и пределы судебного разбирательства, именем государства (государственного обвинения) ставится на разрешение независимого, беспристрастного суда для целей разрешения по существу основного вопроса уголовного дела. Существующая в современной нормативной редакции (явно обременительная) обязанность суда в императивном порядке проверять, насколько суть и содержание этого акта соответствуют «последней» редакции постановления о привлечении в качестве обвиняемого, становится бессодержательной. Причина указанного в том, что привлечение в качестве обвиняемого и, соответственно, привлечение к уголовной ответственности, наконец, одновременно объективируются как единый, действительно центральный и определяющий акт — без надуманных симулякров их «дежурной», «первоначальной», «промежуточной» и «окончательной» роли. На справедливость указанного ориентирует и закон, так как именно ошибки (пробелы) в обвинительном заключении, препятствующие судебному разбирательству и постановлению приговора, объективируются как легальное основание для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [9, с. 475];
- наконец, установление именно такого порядка предъявления обвинения всецело оправдано с позиций материального права, поскольку предметом рассмотрения дела по существу выступает притязание о наказании, которое a priori принадлежит исключительно государству. Следственный орган не может и не является субъектом самостоятельного формирования и внесения этого иска-притязания в суд; данный акт должен исходить исключительно от государства. Именно прокуратура обязана сформировать (утвердить) итоговый публичный иск-утверждение о виновности и праве государства на наказание и на основе этого утверждения реализовать материальный акт привлечения лица к уголовной ответственности (к обязанности

отвечать)¹¹. Поэтому изначально верны нормы закона, обязывающие именно прокурора вручить обвиняемому копию утвержденного обвинительного заключения (ч. 2 ст. 222 УПК РФ) — как акта привлечения к уголовной ответственности; как обвинительного притязания-иска, определяющего предмет и пределы уголовно-правовых прав государства на наказание¹².

Именно на этих концептах основан акт привлечения к уголовной ответственности в большинстве современных уголовно-процессуальных систем. Эта же рациональная суть в основе акта привлечения в качестве обвиняемого в процессуальной форме дознания, реализуемого по нормам главы 32 или 32.1 УПК РФ, где акт появления обвиняемого и привлечение обвиняемого к уголовной ответственности реализуются именно посредством вынесения обвинительного акта/обвинительного постановления¹³ [2, с. 63].

По аналогичным лекалам реформировано уголовно-процессуальное право Республики Украины, где фигура обвиняемого в стадии предварительного расследования отсутствует в принципе; процесс ведется в отношении подозреваемого; суть и основания уголовного преследования и его юридическая квалификация излагаются в уведомлении о подозрении, которое в императивном порядке предъявляется уголовно-преследуемому лицу. Только посредством обвинительного акта это лицо приобретает статус обвиняемого, причем это функция исключительно обвинительной власти, так как только прокурор формирует уголовный иск-притязание

¹¹ «Окончательное обвинение, которое подлежит рассмотрению судом, формулируется на заключительном этапе предварительного расследования — при его окончании и составлении обвинительного заключения» // Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 № 857-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухарева А.А. на нарушение его конституционных прав статьями 171, 172 и 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹² На то, что именно обвинительное заключение, а не постановление о привлечении в качестве обвиняемого, определяет предмет и пределы судебного рассмотрения и разрешения дела (ст. 252 УПК РФ), однозначно указывают и правовые позиции высшего органа конституционного правосудия. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // СПС КонсультантПлюс.

¹³ При этом, как правильно обращает внимание Б.Я. Гаврилов, за все 16 лет реализации этой формы предъявления обвинения и более 5 млн дел, оконченных расследованием в форме дознания, никто из осужденных не обратился с жалобой на «неправильное» привлечение в качестве обвиняемого ни в Конституционный Суд РФ, ни в ЕСПЧ.

и берет на себя ответственность за поддержание его непосредственно в уголовном суде.

В этом же направлении следует реформировать досудебное уголовное судопроизводство России, все более бюрократизирующееся по сути, содержанию, результатам. При этом ни особых материальных затрат, ни кардинального слома основополагающих институтов и норм УПК РФ не потребуется. Максимум проблем видится лишь в готовности прокуратуры реально взять на себя ответственность за законное и обоснованное привлечение обвиняемых к уголовной ответственности (именем государства) и, естественно, в методически точном решении вопроса о моменте и форме предъявления обвинительного заключения обвиняемому и защитнику (уже сформировавшим систему своих убеждений о сути и содержании следственных утверждений по материалам изученного уголовного дела).

Список литературы

1. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Т. 1. СПб.: Н.К. Мартынов, 1907. 1327 с.
2. Гаврилов Б.Я. Мифы и реалии современного досудебного производства: мнение ученого и практика // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18–19 апр. 2019 г.) / ред. А.С. Данильян, И.М. Алексеев, А.В. Рудин и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 60–64.
3. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8. С. 15–18.
4. Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (подготовлен для КонсультантПлюс). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=37945#011386233650826283> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Виноградов В.А. Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат. Уголовный процесс. 2020;(2):20–21.
6. Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 38–40.
7. Чабукиани О.А. Институт предъявления обвинения нуждается в упразднении. Вестник российской правовой академии. 2014. № 3. С. 51–54.
8. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
9. Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения: вопросы теории и практики. Уголовное судопроизводство: теория и практика. М.: Юрайт. 2011. С. 470–480.

Institute of Bringing as an Accused: on the “Deprocessualization” and “Dematerialization” of its Essence and Content in the Criminal Proceedings of Russia

Kovtun Nikolay,

Doctor of Law, Professor,

Professor of the Department of Criminal Procedure

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kovtunnov@mail.ru

Abstract. This work critically assesses the legal nature and practice of the institution of bringing as a defendant in criminal proceedings in Russia, particularly in its relation to the substantive legal act of bringing to criminal responsibility. The author argues that, due to the general bureaucratization of the process, both the first and second acts have actually lost their original purpose to be the determining material and procedural guarantee of individual and justice in criminal proceedings. Objectifying as a legal fiction, the act of bringing the accused as an accused in the doctrine of Russian criminal procedure law, done directly in practice, is increasingly characterized as an accusation of “duty,” “initial,” “intermediate,” and “final”; which respectively form the ideas of “duty,” “intermediate,” “initial,” and “investigative-final” criminal prosecution. This negates the role of the named defining acts. Hence, the paper suggests an optimal mechanism for their implementation according to the purposes and tasks of substantive and procedural law.

Keywords: bringing as an accused, bringing to criminal responsibility, indictment, criminal claim, justice, the charges “initial,” “intermediate,” and “final.”

References

1. Makalinsky P.V. A practical guide for district court investigators. Vol. 1. Saint Petersburg: N.K. Martynov, 1907. 1327 p. (In Russ.).
2. Gavrilov B.Ya. Myths and realities of modern pre-trial proceedings: the opinion of a scientist and practice. In: Criminal Proceedings of Russia: Current Status and Development Prospects: Materials of All-Russian. scientific-practical conf. (April 18–19, 2019). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 60-64. (In Russ.).
3. Alexandrov A.I. Ensuring the right of the accused (suspect) to be protected in the criminal process of Russia: actual problems. *Russian investigator*. 2019;(8):15-18. (In Russ.).
4. Smirnov A.V. Appeal to a court of an illegal or unreasonable decision to bring a person as an accused (prepared for ConsultantPlus). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=37945#011386233650826283> (Accessed: 20.04.2020). (In Russ.).
5. Vinogradov V.A. A review of the disciplinary practice of the chambers of law. *Criminal Procedure*. 2020;(2):20-21. (In Russ.).
6. Gavrilov B.Ya. Indictment: current status and enforcement issues. *Institute Herald: crime, punishment, correction*. 2010;(10):38-40. (In Russ.).
7. Chabukiani O.A. The indictment institute needs to be abolished. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2014;(3):51-54. (In Russ.).
8. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia. *Journal of Russian Law*. 2019;(9):123-137. (In Russ.).
9. Gavrilov B.Ya. Indictment: theory and practice. Criminal proceedings: theory and practice. Moscow: Yurayt, 2011. P. 470-480. (In Russ.).